

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1920-х гг.: КАЗАНСКИЕ УЧЕНЫЕ-БЕЖЕНЦЫ

Революция 1917 г. в России внесла значительные коррективы в жизнь научной интеллигенции страны и в частности ученых Казанского университета. Попытки казанских ученых защитить себя и свою семью от революционных потрясений путем бегства в Сибирь окончились для многих трагично. Советская власть смогла ранжировать научную интеллигенцию посредством ограничения в свободном передвижении и не позволила многим «бывшим» вернуться назад.

Ключевые слова: научная интеллигенция; лишения; кафедра; категории; ученый; социальная трансформация.

В 1920-е гг. после окончания гражданской войны в стране происходила структурная перестройка экономики, применялись новые методы хозяйствования, возникли новые органы управления. Изменения были проведены с целью строительства нового общества. Революция, затем годы гражданской войны принесли с собой в страну голод и разруху. Власти не справлялись с обрушившимся на них объемом проблем как социального, так и экономического характера. В стране повсеместно происходило снижение качества жизни населения.

1920-е гг. – самый сложный и неоднозначный период в жизни научной интеллигенции. Это период лишений и весьма непростых отношений с властными структурами. Это время, когда власти используют все средства для создания новой «советской» науки и «нового» ученого. Такими средствами стали и материальное стимулирование отдельных категорий ученых, ранжирование их по принципу близости к промышленному производству, лояльности к новой власти, возможности заниматься научной деятельностью в целом. Практически с момента установления новой власти ученые почувствовали перемены. Спасая себя и свою семью от революционных потрясений, ученые Казани бежали из города, пытаясь переждать сложный период там, куда еще не докатилась революционная волна. Однако надежды на то, что вскоре восстановится прежний порядок жизни, не оправдались, профессура и преподаватели осели в вузах Сибири, находя там возможности для научной работы и, тем не менее, желая вернуться обратно. Власти воспользовались сложившейся ситуацией и позволяли вернуться на прежнее место работы не всем ученым, а лишь тем из них, кто мог оказаться преданным советской власти.

После революционных событий 1917 г. ученые лишились всех своих накоплений (многие вложили средства в займы, аннулированные советским правительством, другие пострадали от контрибуций и национализаций банков). Запрет на ведение частной практики не позволял им, как прежде, получать дополнительный заработок. Отсутствие собственного, а не арендованного жилья привело многих ученых к тому, что они оставались без крыши над головой. В самом неприглядном и мрачном виде характеризовалось их материальное положение на Всероссийской конференции высших учебных заведений в 1921 г. На конференции отмечалось, что скудное питание, мизерные оклады и нужда в элементарных предметах домашнего обихода вынуждают профессоров совмещать работу сразу в нескольких учебных заведениях. В то же время наблюдался

отток профессорско-преподавательского состава из вузов на хозяйственные и административные должности [1. Л. 132]. Центральное бюро секции научных работников в 1925 г. проводило выборочное обследование бюджета ученых СССР, в ходе которого было обследовано 279 семей ученых. При всей тенденциозности исследования выяснилось, что средняя нагрузка ученого более чем в полтора раза превышала норму. А.А. Канчеев, секретарь Центрального бюро Секции научных работников, подсчитал, что для получения минимума зарплаты ученые были вынуждены работать с превышением нормальной нагрузки иногда в четыре раза. По распоряжению центральных властей подобное бюджетное обследование было проведено и в Казани. Для него были выбраны семь таких видных ученых, как профессор А.Е. Арбузов, М.Н. Чебоксаров, Н.Н. Парфентьев и др., всего 20 семей [2. Л. 7]. По результатам обследования был сделан доклад «О бюджетном обследовании научных работников». Из доклада можно сделать вывод, что средняя заработная плата ученого составляла 32–40 руб. в месяц. Для получения этих денег ученому требовалось увеличивать свою академическую нагрузку в 2,5 раза, при этом ученый был перегружен на 200% [3. Л. 4]. Неудовлетворительными были и жилищно-бытовые условия проживания ученых. В среднем на одного ученого приходилось по 0,71 комнаты, или 27,02 кв. аршина, дополнительной комнаты они не имели. 10,3% бюджета семьи уходило на расходы по оплате жилья, самые большие расходы на питание – 36,7%, на одежду – 6,8%, на книги 2,7% [4. Л. 8].

Революция и гражданская война отбросили хозяйство Татарии на несколько лет назад и, естественно, снизили размах научно-исследовательской работы и переключили республику на борьбу с голодом и его последствиями [5. С. 7]. «Научные работники Казани оказались в чрезвычайно сложном материальном положении вследствие того, что получаемое ими материальное содержание выплачивалось с большим опозданием – 1–2 месяца. В частности, жалование за март было получено только в мае, причем оно было выдано в 9 приемов» [6. Л. 31об.] – так оценивали свое положение ученые в выступлениях на общем собрании научных работников г. Казани 28 мая 1924 г. Из докладов ректоров вузов, которые прозвучали на общем собрании, мы можем сделать также неутешительные выводы. Профессор Казанского университета А.Е. Арбузов отмечал тяжелое положение как самого вуза, так и его профессорско-преподавательского состава. С.П. Сингалевич, ректор Восточно-Педагогического института,

говорил о тяжелом материальном положении учебного заведения в целом. От Политехнического института выступил профессор Н. Борщевский, который говорил, что на содержание вуза из центра выделяется в год всего лишь 39 тыс. руб., что недостаточно для нормального функционирования. Профессор Н.Н. Парфентьев, ректор Сельскохозяйственного института, сетовал на отсутствие собственного здания. «В Ветеринарном институте пустует 24 кафедры, ученые работают с двойной нагрузкой», – отмечал ректор Казанского ветеринарного института, профессор К.Г. Боль [7. Л. 3об.]. Ситуация с комплектованием вузов научными работниками действительно была очень сложной. Ректор Казанского университета в связи с этим обстоятельством прислал докладную записку Комиссару высших учебных заведений г. Казани, в которой отмечалось, что еще осенью 1918 г., во время военных действий, при взятии г. Казани Красной Армией, часть профессуры и преподавателей оказалась отрезанной от города линией фронта и не могла сразу возвратиться в Казань. «Вероятно, многие из них пожелали бы вернуться в настоящее время, если бы могли быть уверены в возможности продолжить свою службу в республике, если бы транспортные затруднения не делали переезды частных лиц в настоящее время невозможными. Имея в виду, что начиная с 1918 г. в Казани чувствуется острый недостаток в лицах, подготовленных для преподавательской деятельности в высшей школе, просим разрешения на въезд профессоров и преподавателей» [8. Л. 6]. В докладной записке ректор университета явно не пожелал назвать истинных причин, по которым профессура и преподаватели оказались «отрезанными от города линией фронта». Между тем реальное положение вещей было таково, что казанские ученые в 1918 г. по собственной воле покинули город. «Покидали город и казанские университетарии – профессора, доценты, преподаватели, сотрудники, студенты, многие с семьями. Беженцы пытались уйти “из-под большевиков” по разным причинам: кто-то спасал себя и своих близких от голода, дороговизны и реквизиции, от постоянного страха насилия (об этом казанцы знали к тому времени не понаслышке); другие искали возможность свободно выражать свое мнение и взгляды; третьим могли угрожать преследования со стороны большевиков за “отдельные факты биографии”» [9. С. 88].

Возможность свободно выражать свое мнение ученые пытались найти в вузах Сибири. В частности, в архиве сохранились свидетельства о работе казанской профессуры в Томском и Иркутском университетах. Однако революционные потрясения докатились и до Сибири. В то время многие ученые пожелали вернуться на прежнее место работы, да и сам Казанский университет был крайне заинтересован в возвращении ученых. На заседании Совета университета было высказано, что многие факультеты заинтересованы в возвращении на прежние должности профессоров и преподавателей, особенно факультеты историко-филологических и общественных наук. Историко-филологический факультет просил о скорейшем переводе профессоров русской литературы П.П. Миндалева, Л.И. Пономарева и профессора славянских языков А.М. Селищева из Иркутского университета в Казань

[8. Л. 14]. «Отсутствие их крайне вредно отзываясь на полноте и ходе преподавания и наносит большой ущерб и университету и науке вообще» [8. Л. 32]. Факультеты гуманитарного направления пустовали не случайно, представители этих научных направлений могли оказаться под пристальным вниманием новой власти по политическим причинам. Это профессора и преподаватели прекрасно понимали и потому, не дожидаясь репрессивных действий, покидали университет.

В Национальном архиве Республики Татарстан хранится фонд Казанского государственного университета, в котором имеется дело под № 34, где на 62 листах размещена переписка факультетов университета о возвращении на прежнюю работу профессоров и преподавателей [8]. Прошения на въезд профессоров и преподавателей поступали в виде телеграмм из Иркутска, Томска, других городов Сибири. Телеграммы носили срочный характер, но, как правило, оставались без ответа. Тогда стали появляться пространные заявления ученых на имя ректора университета. Они пересылались по почте или передавались через третьи руки. Молодой профессор Борис Евгеньевич Будде в своем заявлении в мае 1920 г. писал: «Сим имею честь уведомить Вас, что в августе 1918 года я, получив от ректора Казанского университета краткосрочный отпуск, уехал из Казани в Самару. Во время моего пребывания в Самаре Казань была взята советскими войсками, и я оказался отрезанным от Казанского университета – места моей службы – линией фронта. Находясь в полной неизвестности относительно того, как долго протянется состояние моей оторванности от заработка, и, не имея в Самаре никакой службы или заработка, я принял предложение Юридического факультета Томского университета приехать в Томск для чтения на юридическом факультете курса финансового права и статистики. Тотчас после воссоединения Томска с остальной Россией, я послал на Ваше имя из Томска телеграмму... В настоящее время я, пользуясь оказией, в дополнение ко второй моей телеграмме, вновь уведомляю вас об обстоятельствах, разлучивших меня с родным Казанским университетом» [8. Л. 37–38].

Все дела о возможном возвращении ученых рассматривались ректором университета, куда поступали и прошения от деканов факультетов, заинтересованных в «скорейшем возвращении» профессоров и преподавателей. Вот какие аргументы в своем заявлении на имя ректора приводит декан физико-математического факультета профессор Н.Н. Парфентьев: «Согласно постановлению заседания физико-математического факультета прошу Вас внести в Совет университета на обсуждение или поступить по Вашему личному усмотрению при решении следующего вопроса: несомненно, в Казань желают вернуться многие профессорские стипендиаты и студенты нашего университета, ушедшие против своей воли, в силу роковых обстоятельств, осенью 1918 г. вместе с чехословаками. Вернуться же сейчас трудно и в силу чисто технических условий (дороговизна, трудность проезда частным лицам и т.п.), и, может быть, есть опасность и чисто политического свойства. Было бы желательно, чтобы сама власть в лице Народного Комиссара Просвещения пошла навстречу желаниям молодежи возобновить прерван-

ную научную работу в Казанском университете и сделала бы со своей стороны все, что может ускорить и облегчить скорейшее, беспрепятственное возвращение в Казань» [8. Л. 38].

Не все ученые смогли дождаться своего возвращения в Казань. Бытовые неурядицы, связанные с переездом, безденежье поставили многих на грань физического выживания. В 1920 г. в Томске скончался профессор Казанского университета М.М. Хвостов. Как свидетельствуют документы, он вместе с Б.Е. Будде предпринимал попытки вернуться на прежнее место работы, но результата так и не дождался.

К сожалению, возвращение профессуры и преподавателей зависело не только от личного усмотрения ректора университета. В 1920-е гг. появился новый центральный орган управления высшими учебными заведениями страны – Государственный Ученый Совет. Полномочия вновь созданной структуры были чрезвычайно широки, в том числе именно Государственный Ученый Совет мог поставить точку в деле о возможном возвращении профессоров и преподавателей в Казанский университет.

Власть не спешила оказывать помощь ученым-беженцам. Все прошения ученых, покинувших Казань, помимо ректора рассматривались Государственным Ученым Советом. По-видимому, такой запрос был сделан и Казанским университетом с просьбой вернуть профессора Б.Е. Будде на прежнее место работы. Ответ от Народного Комиссариата, при котором действовал Государственный Ученый Совет, пришел на имя ректора университета и был следующего содержания: «Государственный Ученый Совет, рассмотрев в заседании от 28-го минувшего мая ходатайство факультета Общественных наук Казанского университета о разрешении вновь зачислить профессорами этого университета Б.Е. Будде, С.П. Покровского, В.П. Доманько, М.М. Агаркова, Ю.Н. Фармаковского, признал невозможным удовлетворить означенное» [8. Л. 42]. Это лишь один из частных примеров того, какие попытки предпринимали ученые с целью вернуться в свою альма матер. Конечно, не всем было отказано в возвращении, некоторым все-таки удалось вернуться в Казанский университет и продолжить научную деятельность. Но за возвращение в Казань пришлось заплатить немалую цену: ученые не могли получить дополнительное материальное обеспечение, их лишали академического пайка, денежного пособия. Кроме того, им не позволялось вступать в профсоюзные организации, членство в которых гарантировало право на получение некоторых материальных и денежных выплат. По сути, на таких

ученых ставили «клеймо» ненадежных, и именно они в первую очередь испытывали дискриминацию со стороны властей.

В архивных документах за 1922 г. появляется фамилия Ю.Н. Фармаковского – преподавателя общественных дисциплин Казанского университета. Вероятно, ему удалось добиться разрешения на въезд в Казань, кроме того, коллеги рекомендуют его на должность платного юрисконсульта при созданной Комиссии по улучшению быта ученых. Подобные комиссии занимались в 1920-е гг. вопросами материального обеспечения научной интеллигенции, и представитель казанской профессуры здесь был бы крайне полезен. Но просьба ученых была отклонена, ходатайства по этим вопросам даже не рассматривались, в комиссию входили лица по персональному представлению Совета Народных Комиссаров республики, а Ю.Н. Фармаковский был из числа беженцев и не мог быть надежным по политическим соображениям.

Созданная в 1920-е гг. профсоюзная организация научных работников – Секция научных работников – принимала в свои ряды преданных новой власти ученых, тщательно выверяя все биографические данные претендентов. Такой факт, как попытка уйти «из под власти» большевиков, был абсолютно недопустим на страницах анкет, которые заполняли все, желающие стать членами Секции научных работников.

Постепенно описанная категория научной интеллигенции становилась самой неблагонадежной, людей вычеркнули из советской действительности, лишая возможности нормально существовать и вести научную деятельность, а подчас и подвергая гонениям. Новое правительство не простило «некоторых фактов» из жизни этих представителей высшей школы. Тяжелейшие в социально-бытовом отношении годы в истории России совпали со временем болезненной трансформации социальной структуры населения страны, коснувшейся и научной интеллигенции. Сложный процесс ее ресоциализации в условиях нового общества сопровождался попытками «сверху» регулировать состав научной интеллигенции, изменять его в соответствии с потребностями новой власти. При этом использовались самые разные рычаги, в частности ограничение интеллигенции в праве выбора места жизни и работы. В совокупности с иерархизацией потребления системой распределения необходимого для выживания продовольствия и других материальных благ в соответствии с представлениями советской власти о полезности тех или иных категорий ученых и их лояльности – эти меры позволили не только ранжировать научную интеллигенцию, но и трансформировать идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р. 644. Оп. 1. Д. 99. 174 л.
2. НАРТ. Ф. Р. 644. Оп. 1. Д. 332.
3. НАРТ. Ф. Р. 644. Оп. 1. Д. 331.
4. НАРТ. Ф. Р. 644. Оп. 1. Д. 335.
5. Корбут М. Роль науки в социалистическом строительстве и научно-исследовательская работа в Татарии за 10 лет. Казань, 1930. 11 с.
6. НАРТ. Ф. Р. 644. Оп. 1. Д. 132.
7. НАРТ. Ф. Р. 644. Оп. 1. Д. 183.
8. НАРТ. Ф. Р. 1337. Оп. 1. Д. 34.
9. Малышева С.Ю. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Эхо веков. 2003. № 1–2. С. 87–92.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 мая 2013 г.

SOCIAL TRANSFORMATION OF SCIENTIFIC INTELLIGENTSIA OF THE 1920S: KAZAN SCIENTISTS.

Key words: scientific intelligentsia; deprivations; faculty; categories; scientist; social transformation.

In the formed Soviet society of the 1920s special accent was made on creation of a new social layers of the society. During this difficult reconstruction practice there arose a lot of so-called "alien" elements. A significant part of scientific intelligentsia was ranked as "alien" for their bourgeois origin. "Bourgeois" origin became an original "stigma" for the owners, capable to exclude them from the Soviet reality, down to physical destruction. Social disorder of scientific intelligentsia became even more aggravated due to difficult material conditions. Economic cataclysms, chronic delays of salaries, absence of habitation, big prices, and shortage of food put scientific intelligentsia in the condition of physical survival. The opportunity to protect oneself and the family from social cataclysms compelled scientists of Kazan to leave the city. In hope for an opportunity to facilitate the financial position and to "overwait" for the period of social shocks, scientists left for Siberia. Later, with the universal establishment of the Soviet power, scientists tried to return. Moreover, many higher schools of Kazan persistently demanded it. Sharp shortage of the faculty members was the condition in all higher schools at that time. But with the new power the situation changed, and many scientists were not granted the permission to return to their former workplace. The reasons for refusal were of extremely ideological and political character. Scientists-refugees were categorised as "alien" layers of the population. Having deprived scientists of the right to the freedom of movement and choice of a workplace, the authorities could get rid of the unwanted. Thus, the social policy on restriction of free movement promoted ranging of scientific intelligentsia by the degree of their loyalty to the Soviet power. There were also people the Soviet state desperately needed. All scientists sympathizing the Soviet power and ready to cooperate got an opportunity to return. Scientists who received the right to return lost the former status, forever having the stigma of the "bourgeois" scientist. This category lost a lot of social privileges and payments guaranteed by the authorities to the "Soviet" scientist. These changes, caused by revolutionary changes, promoted transformation of the whole social group, scientific intelligentsia, and development of a new identity.

REFERENCES

1. *Natsional'nyy* arkhiv Respubliki Tatarstan (NART). F. R. 644. Op. 1. D. 99. 174 l.
2. NART. F. R. 644. Op. 1. D. 332.
3. NART. F. R. 644. Op. 1. D. 331.
4. NART. F. R. 644. Op. 1. D. 335.
5. *Korbut M.* Rol' nauki v sotsialisticheskome stroitel'stve i nauchno-issledovatel'skaya rabota v Tatarii za 10 let. Kazan', 1930. 11 s.
6. NART. F. R. 644. Op. 1. D. 132.
7. NART. F. R. 644. Op. 1. D. 183.
8. NART. F. R. 1337. Op. 1. D. 34.
9. *Malysheva S. Yu.* «Velikiy iskhod» kazanskikh universitariyev v sentyabre 1918 g. // *Ekho vekov.* 2003. № 1–2. S. 87–92.